

Она оттянула низ рубашки от туловища, чтобы провести большим пальцем по потертому краю. Я увидел ее подтянутый живот. Я почувствовал небольшой "звон!" внутри на виду. Это было странное чувство.

— Я полагаю, ты прав, — сказала она. Затем она отпустила его и посмотрела вверх.

«Как насчет того, чтобы мы перестали говорить о моде и продолжали бежать», — сказала она. "Хочешь присоединиться ко мне?"

— Звучит как хорошая идея, — сказал я. Мы возобновили бег, на этот раз вместе.

Мама была в болтливом настроении, и следующие несколько миль мы неуклонно говорили о моей учебе и о недавних фильмах. Мы бежали по широкой петле около трех миль, в конце которой снова оказались на гребне холма. Солнце опускалось за горизонт, заливая холм медово-желтым оттенком. Это было начало золотого часа, лучшего времени дня для фотосъемки, как я знал из своего ограниченного опыта фотографа. Мы с мамой на мгновение остановились и посмотрели вперед и вниз, на наш район внизу, у подножия холма.

Я вытащил сотовый телефон из ремешка на липучке.

«Вот, позвольте мне сделать селфи с нами. Свет хороший», — сказал я.

Я подошла к маме и обвила левой рукой ее плечо. Мы оба вспотели, особенно я, поэтому я слегка прижал ее к себе. Я протянул телефон правой рукой и сделал снимок.

Я посмотрел на маму лицом к заходящему солнцу и низкорослому дубу позади нее.

"Я возьму один только вас," сказал я.

— О, пожалуйста, Рэнди, не делай этого, — сказала она. «Я в беспорядке».

"Ну, тогда ты горячая каша", сказал я и усмехнулся. Она закатила глаза.

— Я настаиваю, — сказал я.

Мама больше не протестовала. Вместо этого она расправила плечи и выставила одну ногу вперед. Она немного вскинула бедро и опустила руки чуть ниже бедер. Мама вела себя так, будто не хотела, чтобы ее фотографировали, но она умела позировать. Она улыбалась, не открывая рта, и глаза ее сияли. Даже пробежав несколько миль и попотев, мама была красавицей.

Щелчок.

— Вот, я закончил, — сказал я. «Спасибо, что побаловали меня».

"Пожалуйста," сказала она. «Просто пообещай мне, что удалишь это, если я буду выглядеть ужасно».

— Это невозможно, — сказал я. — А теперь побежим.

Мы вместе побежали по горной тропе и вернулись к дому. Перед тем, как мы вошли внутрь, мама сказала, что нам нужно немного размяться. Я часто пропускал растяжку после пробежки. Я знал, что не должен пропускать это, но я полагал, что я молод и гибок, и мне это сойдет с рук.

Но мама настаивала, и, прежде чем я успел возразить, она повернулась и уперлась руками в стену, выставила одну ногу вперед и оттолкнула свой зад от стены в мою сторону.

Меня больше не нужно было убеждать.

Мы обошли дом сбоку на задний двор, где мама держала под горшком ключ от дома. Пока мама потягивалась у стены, я оперлась руками о столб патио и потянула икры. Я боролся с желанием посмотреть на нее сзади и попытался сосредоточиться на растяжке. Но у меня не получилось. Мама была повернута в другую сторону, давая мне возможность украдкой взглянуть на нее без ее ведома. Так я и сделал. Первое, что я заметил, было то, как ее упругий круглый зад натягивался на тонком нейлоне ее коротких шорт. Каждая щека была идеально вылеплена синим цветом. Мамина растяжка привела к тому, что шорты поднялись выше на ее ягодицах — достаточно высоко, чтобы я мог видеть внутреннюю подкладку ее беговых шорт, выглядывающую наружу, и под ней я даже мог разглядеть полоску обнаженной кожи ягодицы.

Ноги мамы, красиво загоревшие после лета, полного активного отдыха, вытянулись худые и длинные позади нее. Мама приподнялась на носочки, и это движение напрягло икроножные мышцы. Как я уже говорил, у меня большой опыт работы с женщинами, и я ценю вид женщины в хорошей форме. Мама была в хорошей форме.

Она оттолкнулась от стены и начала поворачиваться ко мне, поэтому я быстро отвернулся и сосредоточился на своей растяжке. Я не хотел, чтобы мама видела, как я глазею на нее. Мы провели так еще несколько минут, потягиваясь, мои мысли путались и противоречили, а потом мама схватила ключ, и мы вошли внутрь.

Зайдя в дом, мы оба пошли на кухню. Я взяла из холодильника кока-колу, а мама — воду в бутылке. Я открыла свой напиток и тут же начала его выпивать, но мама просто поднесла бутылку с водой ко лбу с закрытыми глазами на несколько мгновений.

Воздух в доме был прохладным, а кожа, взмокшая от пота, казалась еще прохладнее. Прохладный воздух заметно подействовал на маму. Даже под прочной тканью бегового лифчика ее соски заметно выпирали на фоне потрепанного хлопка рубашки. Глаза мамы все еще были закрыты, когда я смотрел на нее. Она несла весь свой вес на одной ноге, а другую ногу согнула вперед. Ее рубашка задралась, снова обнажив полоску кожи на животе. Она выглядела сексуально, подумал я про себя, хотя одновременно сказал себе, что не должен думать о таких вещах.

Она открыла глаза и поймала мой взгляд на ней, поэтому я быстро отвел взгляд. Было достаточно плохо, что я начала смотреть на маму так, как смотрели мои друзья. Было бы еще хуже, если бы она увидела, как я это делаю.

Когда я оглянулся на нее, она снова рассматривала рубашку.

"Я предполагаю, что эта вещь немного крысиная," сказала она. «Я мог бы обновить свой спортивный гардероб. Что вы предлагаете?»

Мама этого не знала, но она не облегчала мне задачу, говоря о своей одежде, стоя в потных беговых шортах и рубашке.

— Не знаю, мама, — сказал я. «В ближайшем магазине для бега есть все. Вы должны купить что-нибудь синтетическое, а не хлопок. Техническую рубашку, или майку, или спортивный бюстгальтер».

— Да, — сказала она. «Я не думаю, что это 40-летнее тело будет бегать только в лифчике для бега. Это может быть слишком много».

«Я видел, как Джуди Хейвенс, мама Алекса, бегала в одном только лифчике», — сказал я. «Она старше тебя и далеко не так хороша собой».

«Джуди? Правда? Я этого не видела. Я удивлена. Вам не будет стыдно, если я увижу, как я бегаю в одном лифчике?»

— Смущен? Нет, — сказал я. «Я вижу это все время. Это не имеет большого значения. Ты могла бы справиться с этим намного лучше, чем большинство женщин. Но что угодно. Это зависит от тебя».

Я обнаружил, что образ моей мамы, бегущей в крошечных шортиках и беговом бюстгальтере, чрезвычайно убедителен, но я не хотел вести себя так перед ней. Это было бы слишком странно.

"Ну, спасибо, я думаю," сказала мама. «Я сбегая в магазин в ближайшие несколько дней и куплю что-нибудь».

Она допила воду и поставила ее.

"Теперь пришло время душа", сказала она.

Мысли о маме в спортивном лифчике напомнили мне, что мне тоже нужен душ. Я направился в ванную в своей части дома, а мама направилась в свою.

Стоя под горячей водой, струящейся по моему телу несколько минут спустя, я не мог перестать думать о своей маме на кухне, в ее скудном наряде и дерзких торчащих сосках, виднеющихся под старой рубашкой. Раньше я никогда так не думал о своей маме, но теперь я не мог остановиться. Мама была горячей. Я не мог этого отрицать. Эти ноги, стройные и гибкие, и то, как рельефно напряглись ее икроножные мышцы, когда она вытягивала ноги и вытягивала пальцы ног. Твердая дерзость ее груди под обтягивающей рваной футболкой.

Я намылила тело мылом и провела рукой с куском мыла между ног, чтобы

смыть там. Я провел рукой вверх и вниз по своему члену, чтобы помыть его, и снова возникло изображение моей мамы в спортивном лифчике. Мой член внезапно и заметно утолщился, и я провела рукой вверх и вниз по его длине еще несколько раз, мой разум сосредоточился на фотографии моей мамы в лифчике.

Я осознал, что делаю, и остановился.

Нет, подумал я. Я не собираюсь дрончить на мысли о маме. Я не собираюсь этого делать. Это заходит слишком далеко. Я должен установить некоторые границы по этому поводу.

Помня об этом наставлении, я поспешил принять душ, вышел и вытерся полотенцем. Я оглядел ванную. Я забыл взять с собой сменную одежду. Хуже того, я знала, что в моей комнате ничего нет, потому что мама только что постирала и еще не убрала вещи.

Я обернула полотенце вокруг талии. Прачечная находилась рядом с кухней, так что я прошлепала по полу босиком, чтобы взять что-нибудь из одежды.

Я прошла мимо кухни, а мама уже была там. На ней были серые хлопчатобумажные шорты и серый хлопковый топ с длинными рукавами и большим вырезом поверх чего-то похожего на белую майку. Она тоже была босиком. В руке у нее была пачка лапши, и она уже была занята приготовлением ужина. Она подняла взгляд от своей задачи на меня и улыбнулась.

Я осознавал, что стою перед мамой голый, если не считать банного полотенца. Я не зазнаюсь о своей внешности, но и не стесняюсь своего тела. Раньше я была в полотенце перед мамой, и это не имело большого значения. Но со всеми этими новыми мыслями сегодня днем о том, что

моя мама горячая, внезапно стало по-другому чувствовать себя разоблаченным таким образом. Мне никогда не приходило в голову подумать о том, как я смотрю на свою маму раздетой. Но это произошло сейчас. Я смотрел на нее как на женщину, и мне было интересно, как она смотрела на меня, как на молодого человека. Полотенце было низко на моей талии и демонстрировало мой худощавый торс и хорошо очерченные мышцы живота. У меня не было больших бицепсов или трицепсов, но мои плечи были широкими. У меня не было много волос на теле, поэтому я знал, что моя гладкая, стройная, твердая грудь открыта для нее. Мне было интересно, как я выгляжу в ее глазах.

— Ищешь, что надеть? она спросила меня. Ее глаза перебегали с моих на мою обнаженную грудь и обратно.

«Да, извини, я только что направился в прачечную», — сказал я.

«Извинения не нужны», — сказала она с ухмылкой.

Я помчался в прачечную и выудил из сушилки несколько длинных шорт и футболку. По какой-то причине я решила пропустить нижнее белье. Я быстро натянула теплую одежду, бросила влажное полотенце в корзину и направилась обратно на кухню.

Мы с мамой больше болтали о моих занятиях. Я еще не определился с специализацией — я понятия не имел, чем буду заниматься после колледжа, — и до сих пор мой выбор предметов не имел никакого смысла или причины: экономика, информатика, история искусства, если не считать имени. немного. Я чувствовал, что мама мягко пытается побудить меня сосредоточиться на том, что я собираюсь делать со своей жизнью. В тот вечер она не продвинулась ни на йоту.

Когда макароны были приготовлены, мы сели за стол, чтобы поужинать и салат, который я помог ей сделать, и мама достала бутылку красного вина. Я не был большим любителем вина, но она заверила меня, что это что-то хорошее — пино нуар, — так что я взял стакан и выпил его за ужином.

После ужина я помог маме убрать со стола и поставить посуду в раковину. Как только это было сделано, мама взяла бутылку вина, которая была еще наполовину полна, и два пустых бокала.

«Рэнди, давай сядем в гостиную и поговорим», — сказала она.

"Звучит хорошо для меня, мама," сказал я.

Мы сидели вместе на просторном удобном диване в гостиной, мама на одном конце, а я примерно на две трети пути к другому концу. Мама прислонилась спиной к подлокотнику дивана и вытянула ноги ко мне. Я не мог не рассмотреть ее вытянутые ноги в маленьких серых шортиках. Еще одна вещь, которую я заметил в шортах, это то, что, хотя они и не были длинными, они были несколько свободными, и отверстия штанин свободно облегли ее

ноги. Из-под шорт виднелось широкое пространство гладкой кожи верхней части бедра. Одна нога была согнута, а другая согнута и лежала на диване, подвернув ступню под другую ногу.

Она налила вино в наши бокалы и поставила бутылку на столик позади себя. Она чокнулась своим стаканом с моим и сказала: «Ура». Я сказал "Ура" в ответ.

«Итак, Рэнди, я ничего не слышал о твоей личной жизни в последнее время. Что-нибудь происходит в этом отделе?»

Когда мама расспрашивала меня о девочках, это было не самым удобным способом начать разговор, но мы уже давно об этом не говорили. С ее стороны было справедливо спросить.

«Ничего особенного. Семестр только начался. Я был на паре вечеринок, но никого не встретил».

Летом я встречался с девушкой из моей школы по имени Тилли, но мы расстались за несколько недель до начала осеннего семестра. Я переспал с другой девушкой после вечеринки сразу после начала школы, но мне не очень хотелось говорить об этом с мамой.

«Сейчас я никуда не тороплюсь. Это произойдет, когда произойдет», — сказал я. «А ты, мама? Когда ты собираешься начать встречаться?»

— Я удивлена, что ты спрашиваешь, — сказала она. — Ты не против, если я начну встречаться?

«Конечно, мама. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Папа видел, как ее зовут с тех пор, как вы расстались. Будет справедливо, если ты тоже повеселишься».

<http://erolate.com/book/3696/93535>